

8 МАИ 1988

ЧАСТО говорится о необыкновенной проникновенности голоса Анны Герман, польской певицы, память о которой хранят миллионы ее почитателей. И каждый раз подчеркивается, что особенно удавался ей русский лирический репертуар... Это может показаться почти необъяснимым феноменом — откуда такая способность проникнуть в душу нашей песни и представить другую народ?

Между тем многое, если не все, объясняет драматическая судьба семьи Герман, условия, в каких складывались у Ани ее первые представления о жизни. Долгое время детали этой судьбы в публикациях лишь обозначались отдельными штрихами, не позволявшими понять главного. Признаться, и я, хотя давно знаком с семьей Герман, лишь совсем недавно смог осознать глубокую взаимосвязь поведенных мне в разное время фактов.

История семьи началась давным-давно. Еще при Екатерине Второй в пределах России оказалась группа голландцев: протестантов-меннонитов, спасавшихся от преследований католиков. Императрица определила им для поселения, в частности, благодатные кубанские земли. Там, под Армазиром, меннониты укоренились, став такими же казаками, как и другие переселенцы из разных районов России. О прошлом напоминали только название улицы — Голландская да распускавшиеся по весне необыкновенной красоты тюльпаны: некоторые переселенцы прибыли сюда без смены белья, но с луковицами своих любимых цветов в карманах.

В семье Мартынс, где росла мать будущей знаменитой певицы Ирма, высоко ценилось увлечение музыкой. Мартынс называли себя «русскими голландцами» и жили одними делами и заботами со станичниками. Надо сказать — бывшие меннониты искренне любили Россию, давшую в трудный момент приют их предкам, любовно возделывали уголок земли, где жили, считая его своей настоящей родиной.

Первые послеоктябрьские годы захватили юную Ирму своим энтузиазмом, романтическими надеждами. Она вместе со своими сверстниками азартно включилась в борьбу с неграмотностью. С друзьями отправилась в далекую сибирскую деревню. Так определилось призвание: педагогика. В 1929 году поступила в Одесский пединститут.

После окончания получила диплом преподавателя немецкого языка и отправилась в Фергану, где к тому времени служил ее брат Вильмар и работала мать. В Узбекистане познакомилась с молодым человеком, страстно влюбленным в музыку. Он был выходцем из Польши, и звали его Евгений Герман.

— Ах, как мы пели вдвоем! — вспоминает пани Ирма. — У него был замечательный голос, он хорошо играл на скрипке, рояле. Я, говорят, тоже неплохо пела, играла на гитаре.

Сначала у них сложился певческий дуэт, потом — семейный. Переехали в Ургенч. В феврале 1936 года родилась дочка. Оптимизм и уверенность молодой семьи в будущем отразились в имени новорожденной: Анна-Виктория. Год спустя появился сын Фредерик.

Но над страной сгустились уже тучи. То, что еще вчера не имело для человека никакого значения, теперь оказалось роковым. В атмосфере всеобщей подозрительности, шпиономании не могла не обратиться на себя внимание «странная» пара с «сомнительной» родословной.

Отдавали ли себе отчет в надвигавшейся опасности Германы? Можно со всей уверенностью сказать: нет. И Евгений, и Ирма честно служили Родине каждый на своем посту: Ирма была преподавателем, Евгений занимал скромную должность бухгалтера на хлебозаводе. Они читали в газетах отчеты о процессах над «врагами народа», возмущались их «коварством». Но разве могло прийти в голову, что безжалостная мясорубка беззакония, репрессий пройдет и по их молодой семье!

...Они растолковали, как думали, на несколько дней, а оказалось — навсегда. Ирма поехала по какому-то делу в Ташкент, а когда вернулась в Фергану — узнала, что арестованы и муж, и брат. Побежала в НКВД выяснять, что случилось. Ей ответили: «Евгений Герман осужден на десять лет без права переписки».

Знающий человек шепнул, что это означает расстрел... О брате удалось узнать, что он сослан в лагерь где-то под Сталинском, в Кузбассе. Шел 1937-й...

Дорога в Сибирь из Средней Азии в то время была долгой — не меньше недели в нетопленных поездах, потом — «кукушкой» по таежной узкоколейке. Но Ирму это не остановило. В головном лагере ей сообщили, что Вильмар находится в самой отдаленной восьмой колонии. Молодая женщина решает остаться рядом с братом. Находит место учителя в школе, едет в Ташкент за матерью и детьми. Мать, едва осмотревшись на новом месте, начинает добиваться свидания с сыном. Навьючивает на себя тяжелые теплые вещи и гостинцы и по трескучему морозу добирается до отдаленной

которые тогда тысячами метались по стране. Учительница была очень нужна, и без особых расспросов ей предоставили работу и угол.

Высокая, крепкая молодая женщина не гнушалась никакого труда. Как-то пришлось уехать из дому на несколько дней строить дорогу. Детей брать не разрешили. До сих пор матери помнится, как Аня при расставании, сидя на высокой азиатской арбе, вдруг запела чистым звонким голосом: «Мы простимся с тобой у порога, и, быть может, навсегда...» Сердце больно сжалось...

В школе, куда устроилась Ирма, одним из учителей оказался поляк по имени... Герман! В этом виделся какой-то перст судьбы. Они поженились. Но скоро, узнав о формировании Войска Польского, Герман ушел

Взгляд сквозь годы

Ирма, мать Анны Герман

Новые подробности из жизни знаменитой польской певицы

«восьмой колонии». Но свидания так и не разрешили.

А потом стало известно, что Вильмар заболел воспалением легких, которое из-за отсутствия лечения перешло в туберкулез. С этой болезнью организм молодого человека справиться не смог...

Простое перечисление фактов вызывает леденящую душу оторопь. А к этому надо добавить, что репрессии отняли у Ирмы еще троих братьев и сестру от первого брака ее отца. Из Мартынсов, таким образом, уцелела только она...

— Во время войны с белофиннами, — вспоминает Ирма, — в Кузбассе начался голод. Мы решили вернуться в «хлебный» Ташкент. Вперед поехала мама с малышами. Я вынуждена была из-за работы остаться.

В дороге (а напомним — длилась она около недели) дети заболели скарлатиной. Аня выжила, Фредерик болезни не перенес. Ирма из-за расстояния не успела даже на похороны собственного сына...

Едва снова устроилась в Ташкенте, как началась война с гитлеровской Германией. Ирма надеялась, что в борьбе с фашистами пригодится ее блестящее знание немецкого. Но вышло иначе. Как-то ночью пришел человек из НКВД и заявил:

— Ваша прописка в этой комнате аннулируется, утром вы должны перебраться в вагон, который стоит в тупике на станции.

Что ж, в те времена родне «врагов народа» (хотя никто и не собирался объяснять, какие конкретно обвинения предъявлялись арестованным) роптать не полагалось. В оставшиеся до рассвета часы наскоро собрались и в назначенный час были на станции. Эшелон двинулся под охраной в неизвестном направлении. В итоге он оказался под Бухарой. Здесь его пассажиры переселили в землянки. Кончилась взятая на дорогу еда. Заболела тифом Аня. Что делать?!

Ирма заметила, что землянки охраняются кое-как, часовые надолго отлучаются. Предложила матери бежать в сторону Джамбула...

...Долго было бы описывать приключения, с которыми добрались до Джамбула, а оттуда до глухого киргизского кишлака. Здесь выдали себя за беженцев,

на фронт добровольцем. На прощание сунул записку с номером полевой почты. И сказал: «Встретимся в свободной Польше».

После войны Ирма стала искать пропавшего без вести Германа. Перебралась в Варшаву. Потом поехала дальше на территорию, возвращенную после войны Польше. Так начался вроцлавский этап ее биографии...

Дальнейшее достаточно хорошо известно тем, кто интересуется творчеством Анны Герман. Дочь Ирмы поступила на геологический факультет Вроцлавского университета, но увлеклась эстрадой и победила на престижном конкурсе. Стала профессиональной певицей. На первый крупный гонорар осуществила вечную мечту своей семьи: купила квартиру, где и по сей день живет ее мать.

В своих интервью Анна говорила обычно коротко: «Я родилась и выросла в СССР». Не вдаваясь в подробности при встречах с посторонними людьми и ее мать. Как-то она призналась: сразу после кончины Анны села за книгу о том, в каких условиях формировался ее талант. Но и сейчас, когда начинает вспоминать пережитое, с трудом сдерживает подступающие к горлу слезы... Работа поэтому продвигалась медленно, но близко к завершению.

У пани Ирмы, которая, несмотря на почтенный возраст, и по сей день сохраняет юношескую стать, никогда во время наших довольно частых встреч не проскользнуло в разговорах и нотки обиды или упрека. Она мужественно вынесла все испытания, выпавшие на ее долю. В том числе и преждевременную смерть горячо любимой и бесконечно близкой дочери.

В Советском Союзе у пани Ирмы много друзей, с которыми она переписывается и иногда встречается. Дружба с большинством из адресатов зародилась в самое трудное и для нее, и для нашей страны время.

А звукозапись сохранила для нас поразительно искренние русские песни в исполнении Анны Герман. Теперь мы лучше знаем, откуда у этой польской красавицы такое глубокое понимание русской души...

Ю. ВАСИЛЬКОВ.

ВАРШАВА — МОСКВА.